

торы не делают следующий шаг, сопоставляя содержание этих учебников с книгами, созданными в духовных академиях конца XIX – начала XX века в России. Поскольку авторы надеются «скорректировать курс развития современной науки» (с. 15), представляется, что обращение к примерам из нее было бы крайне уместным.

Стиль текста книги очень старомоден. Например, встречаются выражения «буржуазные свободомыслящие» (с. 162) или тезисы о том, что «Религия... всегда предполагает личностные отношения, ощущение реальности высшей силы, а не просто постулирование ее наличного бытия» (с. 110). Авторы не ставят вопросов о структуре религиозоведческого знания, но изначально считают историю религии, антропологию и психологию религии религиозоведческими дисциплинами, опираясь на некоторое общее интуитивное знание.

Книга чрезвычайно разносторонняя и может быть интересна и полезна религиоведам и всем, интересующимся научным изучением религии. Авторы вводят в научный оборот обширную и относящуюся к самым разным сферам библиографию, ранее никем не проанализированную. Проведенное ими исследование подчеркивает необходимость рефлексировать корни понятийного аппарата и импликации, с ними связанные. Такая задача практически не ставится отечественными религиоведами, но без ее решения настоящие прорывы в области религиозоведения не возможны.

К.А. Колкунова

Рецензия на: COLLOQUIUM HEPTAPLOMERES: Научный альманах. Выпуск III. Составители: А. А. Бесков, Р. В. Шиженский. Нижний Новгород: Мининский университет, 2016. 127 с.

Третий выпуск научного альманаха COLLOQUIUM HEPTAPLOMERES («Беседа семи особ о возвышенном»),

как и предыдущие два, также посвящен разностороннему исследованию неоязычества как феномена современной российской и мировой религиозности. Главный редактор и руководитель научно-исследовательской лаборатории «Новые религиозные движения в современной России и странах Европы» – нижегородский ученый Роман Шиженский, научный редактор альманаха – Андрей Бесков.

Статья А.А. Бескова продолжает цикл внушительно-го исследования некоторых аспектов феномена – его проявлениям в современной культуре. Вторая статья цикла, озаглавленная «Образы восточнославянского язычества в отечественном кинематографе», представляет глубокий и разносторонний обзор кинопроизведений, начиная с 60-х годов XX века и по сегодняшний день. Одной из первых кинокартин, рассматриваемых в исследовании, А.А. Бесков считает фильм «Тени забытых предков». Эту работу, наряду с широко известными «Андреем Рублевым», «Князем Игорем» и «Ярославной, королевой Франции», можно вслед за автором объединить в условную группу историческо-документального кино. В лучших советских традициях к работе над фильмом привлекались научные консультанты, а реконструкция обряда жертвоприношения, повторяющаяся в нескольких фильмах, напрямую отсылает зрителя к таковой у Б.А. Рыбакова – классика отечественных исследований религий дохристианской Руси.

Стоит здесь отметить и аргументы не в пользу посмертного «воцерковления» А. Тарковского: «Несмотря на попытки посмертно зачислить А. Тарковского в категорию православных верующих, интервью режиссёра и воспоминания знавших его людей такой возможности не дают»... «Наверное, и сам А. Тарковский затруднился бы чётко определить свои религиозные взгляды. Но, по всей видимости, мнение о его религиозности, религиозном подтексте его фильмов несколько преувеличено».

В другую группу, хоть и не столь многочисленную, в том числе благодаря «маргинальности» «заказа» и недостаточного «профессионализма» исполнителей, следует отнести и кинопродукцию, призванную демифологизировать в массовом сознании набирающий все большую популярность идеалистический образ дохристианского прошлого славянской Руси, и, наоборот, «обелить» и возвысить образ Руси после Крещения. В нее попадает, видимо, «Лествица Владимира Красное Солнышко», «Ярослав. Тысячу лет назад» и совсем недавно вышедший на экраны, но уже немало на шумевший «Викинг». В качестве третьей группы стоит рассматривать ряд кинолент, условно классифицируемых автором как «славянское фэнтези». Странным показался нам тот факт, что автор не упомянул в этом разделе самый успешный проект в этом жанре – «Волкодав». Как и излюбленную, а то и культовую среди родноверов советско-норвежскую картину 1985 года в жанре еще «исторического фэнтези» – «...И на камнях растут деревья...».

Совместное исследование Р.В. Шиженского и психолога Евгении Гусевой «Психологическая специфика религиозной конверсии лидеров новых языческих общин» интересно уже самой постановкой вопросы и объектом анализа. Так, в результате проведенной работы авторы приходят к следующим выводам: «...у «родноверческих» лидеров не обнаружено никаких специфических факторов перехода в языческую веру. Как у лидеров, так и у рядовых представителей «родноверия» наиболее частой причиной религиозного обращения являются осознание своей национальной принадлежности и стремление к единству с природой». ...

«По какой-то причине именно «родноверческие» лидеры наиболее отчетливо запоминают подобный опыт, либо акцентируют на нём особое внимание». В качестве очевидного же недостатка этого – и других подобных статистических

исследований авторов и участников проекта – необходимо упомянуть и крайне ограниченную количественно выборку респондентов-участников исследования. Так, «экспериментальную группу составили лидеры «родноверческих» общин в количестве 12 человек (из них 10 мужчин и 2 женщины) в возрасте от 24 до 57 лет, а контрольная группа состояла из 17 человек: 13 мужчин и 4 женщины в возрасте от 18 до 60 лет».

Однако, несмотря на указанный недостаток подобных статистических исследований, нередко они выявляют и вовсе неожиданные (особенно для непосвященных интересующихся и ангажированных исследователей) факты и тенденции. Так, по результатам опроса, посвященного проблеме языческой толерантности и проведенного Р. Шиженским и Е. Суровегиной на празднике Купалы в конце июня 2016 года, социальные симпатии и антипатии участников и гостей праздника выявили следующие тенденции. Сколько-нибудь внятно охарактеризовать свои религиозные воззрения не смогли около трети респондентов; неожиданно «на первом месте по степени приемлемости из семи критериев вопроса, оказались представители религиозно-философского учения – «буддизма», а также атеисты; вопреки искусственно и бесчестно распространяемому, даже навязываемому предрассудку, для неоязычников-родноверов далеко не всегда непременно присущи антихристианские, антиисламские и антисемитские настроения. Иудеев, православных христиан, католиков, мусульман, даже «Свидетелей Иеговы» готовы видеть не только гостями страны, но и соседями по дому, даже коллегами – значительный процент опрошенных, тогда как процент неоязычников/родноверов в качестве таковых заметно уменьшается.

Известный исследователь, авторству которого принадлежит множество публикаций, посвященных важным аспектам проблемы, В.Б. Яшин, свою очередную работу посвятил

одному их немаловажных, даже краеугольных моментов неоязыческого мировоззрения – проблеме эсхатологии. В статье «Эсхатологические мотивы в современном русском неоязычестве» автор поставил для себя непосильную сверхзадачу: степень как охвата, так и раскрытия им проблемы явно неудовлетворительна. В начале своей работы автор справедливо отмечает несколько причин актуальности эсхатологических настроений в современном родноверии. Это, во-первых, общее современное культурное поле: «...идея Конца света входит в число ключевых, наиболее распространённых мемов современного массового сознания и массовой культуры (а неоязычество глубоко интегрировано в масскульт и в значительной степени является его порождением)»; во-вторых, неотъемлемое при всем желании полуподсознательное наследие многих веков христианства и его культурные коды и концепты: «Сама реконструкция язычества оперирует понятиями и концептами, сформированными в рамках христианского учения – Бог, дух, сверхъестественное и т. п.»; в качестве же третьей причины автор указывает «общечеловеческие» настроения, переживания нынешних времен как «последних». Автор подметил и двойственное восприятие неоязычниками/родноверами самого исторического процесса, и как циклического, и как линейного – как исторического пути от небытия к расцвету, славе и величию. Справедлива его трактовка общего неприятия идеологами неоязычества концепций известного традиционалиста Рене Генона, постулирующего в не самом отдалённом будущем всему человечеству отнюдь не столь чаемый родноверами «Золотой Век».

С конкретными же примерами языческих эсхатологических сценариев очевидна слабая мифологическая и источниковая база. Утверждая, что «в некоторых случаях речь идет о чуть ли не буквальном воспроизведении (имитации)

библейских пророчеств – образов Спасителя, Второго Пришествия, Страшного Суда и т. д.», В. Яшин приводит яркий образ Конца Времен согласно волхву Велеславу (И.Г. Черкасову): «на Землю вновь явится, верхом на крылатом белом коне, сжимая в руке Меч Прази (Святогоров Меч), первопродок и культурный герой всех арийских народов Арий, чтобы восстановить погрязшие Законы Сварога». Очевидно, что образ «Ария с мечом и на белом коне» – это скопированный, с минимумом редакции, образ последнего аватары Вишну в индуизме, Калки. К «библейским пророчествам» апеллировать оснований здесь нет. В качестве дополнительных образчиков «неоязыческой эсхатологии» автор приводит пространные цитаты из Славяно-Арийских Вед – «популярнейшем среди неоязычников сборнике сакральных текстов, созданном духовным лидером неоязыческой Древнерусской церкви староверов (Древнерусской англистической церкви православных староверов-инглингов) Патер Диём о. Александром (А.Ю. Хиневичем)». В действительности же все творчество А. Хиневича, и в первую очередь, Славяно-Арийские Веды, и его церковь инглингов неоднократно и однозначно определены и заклеены ведущими лидерами и идеологами неоязычества как «псевдо- и антиязыческие», «дискредитирующие «настоящих» родноверов. Та же участь постигла идеи и работы Н. Левашова, разрабатывавшего «откровения» А. Хиневича в однозначно антинаучном духе. Апелляция к таким заведомо маргинальным, если не сказать – провокационным идеологам и концепциям, выдаваемым автором за «чрезвычайно популярные среди неоязычников», ставит под сомнение научную адекватность и ценность его исследования – хотя проблему он поставил немаловажную.

Статья известного исследователя неоязычества Алексея Гайдукова «Проблема иностранного влияния на развитие славянского нового язычества (родноверия) в России»

посвящена весьма важному аспекту генезиса феномена во всех его аспектах – прежде всего мировоззренческом и философско-теологическом. Однако, пожалуй, едва ли не более важной – потому что достаточно успешной является попытка автора в очередной раз дать определение самого термина «неоязычество», или «родноверие». По причине его исчерпывающего характера приведем его здесь почти полностью: «под новым язычеством будем понимать разноликую «совокупность религиозных, парарелигиозных, общественно-политических и историко-культурных объединений и движений, обращающихся в своей деятельности к дохристианским верованиям и культам, обрядовым и магическим практикам, занимающимся их возрождением и реконструкцией... Современное язычество отталкивается от нехристианских, точнее, от неавраамических традиций, иногда активно используя их элементы (включая манихейство и прочие гностические концепции) и представляет собой некий эклектический конструкт. Отсутствие единства феномена и терминологическая путаница позволяют относить к неоязычеству совершенно разные проявления. Говорить о едином монолитном явлении, называемом «неоязычество»/«новое язычество», практически невозможно. Более того, для внешнего наблюдателя все языческие проявления (от религиозных до клинических) воспринимаются одинаково».

Здесь автор вводит собственную типологию неоязыческих феноменов по принципу заимствований. Это, по его мнению, «структурнофункциональный, концептуальный, квазиконцептуальный и коммуникативный» типы заимствований. В качестве нескольких примеров разнообразных заимствований А. Гайдуков приводит политическую идеологию национал-социализма и ее бессменного «апостола» в русском родноверии – Доброслава (А. Добровольского);

нашумевшую еще в XX веке фальсификацию – «Велесову книгу», почитаемую и по сию пору многими родноверами чем-то средним между драгоценным историческим свидетельством о дохристианстве руссов-славян и их Священным Писанием. Наконец, нельзя не упомянуть, с одной стороны, заимствования с Запада (у северных «собратьев» – виккан и единистов) и с Востока (в первую очередь, в индуизме). А. Гайдуков приводит два характерных примера. Во-первых, одиозную Партию духовного ведического социализма, созданную В. Даниловым и И. Мочаловой в 1990-х (на основе вовлеченности В. Данилова в вайшнавский (кришнаитский) культ), проводившую линию родства арийских народов и не поддержанную правыми партиями. И, во-вторых, «своеобразный русский вариант шиваизма ... у волхва Велеслава (И. Черкасова), главы общины «Родолюбие», начинавшего с индийской традиции и продолжившей её в доктрине «Шуйного пути». В заключение автор отмечает несомненное влияние на становление неоязычества тотально распространенного феномена «неоспиритуализма», или Нью-эйдж, со всем его понятийно-терминологическим багажом: «медитацией», «кармой», «дхармой», «чакрами», «эгрегором», «энергиями», и ускоряющееся все больше развитие технологий и средств связи и обмена информацией.

Два материала сотрудника лаборатории НРД Рушана Саберава посвящены исследованию современной религиозности отечественных финно-угров. Статья «Особенности проведения национальных обрядовых праздников мордвы на примере всеэрзянского моления (Эрзянь Раскень ОЗКС)», написанная в соавторстве с Ольгой Тютиной, описывает вкратце новую историю возрождения мордовской национальной религии и обрядности; в работе «К вопросу об историческом развитии и географии марийской религиозной секты «Куту Сорта» автор рассматривает интересный

и, пожалуй, один из немногих подобных исторический феномен – новое национальное религиозное движение, возникшее в конце XIX века, ныне исчезнувшее, но сделавшее заметный вклад в возникновение и существование Марийской традиционной религии.

Еще одной форме неславянской, современной, но в то же время более чем традиционной религиозности посвящен материал Любове Смоляковой «Современные реалии бурятского шаманизма». Материал не разрабатывает какую-то узкую ограниченную проблему, а описывает феномен в целом, в перспективе его исторического развития и вплоть до наших дней, знаковые лица, организации, современный образа шаманизма. Автор так пытается определить, что же такое шаманизм сегодня: «Безусловно, этот неошаманизм, или, скорее, новый шаманизм, весьма отличается от того шаманизма, каким он был ещё три столетия назад. Новый шаманизм соединил в себе традиционный индивидуалистический шаманизм, некоторые политеистические представления народов Сибири и черты, присущие мировым религиям, предоставив верующему возможность не только получить помощь от практикующего шамана, но также и самому поучаствовать в молебне, прийти и помолиться в сакральном пространстве, самостоятельно поднести жертву богам, духам или предкам. В этой религии ... присутствует даже комплекс морально-этических норм, заданных для каждого верующего».

Завершает раздел аналитических материалов сборника исследование Екатерины Агеенковой «Политеизм в верованиях современных оккультно-мистических культов». По сути дела, кандидат психологических наук из Беларуси взялась в этой работе за объемный и ответственный труд, на который ранее осмеливались православные миссионеры и борцы с «сектами» и «культами», такие, как А. Кураев,

О. Стеняев и А.Л. Дворкин, а именно: расшифровать теолого-метафизический политеистический код в современном оккультизме и мистике, которые с самыми небольшими оговорками можно смело приравнять к какому-либо из множества разнообразных по форме, но сущностно единых проявлений т.н. «нового спиритуализма», в просторечии же «Нью-эйдж», или (духовности) «Новой Эры».

Основными объектами ее исследования становятся самые известные «пионеры» «Новой Эры», их учение и организации – Е.П. Блаватская, Е.И. Рерих, А.А. Бейли и другие их продолжатели и наследники меньшего масштаба – О. Айванхов, У. Лидбитер, В. Сердюк, В. Поляков и др. Для иллюстрации антиэстетического, безвкусного, беспринципного смешения всего и вся в «воззрениях» идеологов и адептов Новой Эры, которые вернее характеризовать как панэнтеистические, достаточно одной цитаты: «Международная Школа Мира» – новое название известной организации «Братство Майтрейи», основанной путём слияния вероучительных принципов Е.И. Рерих и болгарского мистика Беинса Дуно (П.К. Дынова). Как следует из анализа материалов сайта организации, аналогом Бога в учении «Школы» является «Великий Владыка» или «Господь Вседержитель». Он влияет на земные процессы вместе с так называемым «Духовным миром» или «Огненным миром». При этом «Школа Мира» была создана и курируется, как полагают её члены, «Учителями человечества, Иерархами из Созвездия Орион» [Школа Мира]. Среди «Высших Руководителей» называются «Господь-Вседержитель», «Шри-Шри Радха Кришна», «Дева Мария Богородица», «Иисус Христос – Величайший Учитель человечества», «Глава Шамбалы, Учредитель и Собиратель Шестой Расы – Владыка Огня – Р. Мория», «Владыка Белого Братства – Кут Хуми», «Владыка Белого Братства – Сен Жермен», Елена и Николай Рерихи, Шрила Прабху-

пада, Порфирий Иванов, Беинса Дуно, Будда, Зороастр, Лао-цзы и др».

Вторым блоком материалов альманаха по традиции выступает подборка интервью лидеров и идеологов и исследователей современного российского и шире славянского неоязычества. По той причине, что в двух предыдущих выпусках альманаха уже опубликованы беседы с большинством наиболее известных и знаковых представителей современного родноверия, в выпуске третьем стоит особенно отметить три интервью. Первое – это беседа с индологом Ростиславом Рыбаковым, сыном знаменитого историка и археолога, академика Бориса Рыбакова. В сборник вошло интервью с Вадимом Казаковым, одним из пионеров родноверия 90-х, создателем и бессменным руководителем на протяжении многих лет Калужской Языческой Общины, с 1997 г. – главой Союза славянских общин славянской родной веры; тенгрианкой из Якутии Еленой Федоровой.

В приложении альманаха – несколько десятков фотографий с языческих праздников и мистерий из архива Лаборатории.

Резюмируя, отмечу в целом разносторонний и творческий подход к изучаемому феномену, а небольшие выделенные недостатки не помешают сборнику стать очередным значительным вкладом научных материалов в дополнение к уже имеющимся.

А. Вайсман